

не обходился безъ рѣчей и спичей, до такой степени чувствовала потребность высказаться и утѣшаться въ ораторствѣ... Между, точно съ неба свалившимися, ораторами оказались люди весьма даровитые, способные говорить очень много и гладко, но рядомъ съ ними выступили субъекты, только чудомъ какимъ-то не попавшіе въ лечебницы для душевнобольныхъ. Дошло наконецъ до того, что пересуды, сплетни и пошловато-пикантный разговоръ, составлявшій принадлежность провинціальныхъ гостинныхъ, все это на нѣкоторое время было вытѣснено разговорами о дѣлахъ, разбиравшихся въ окружномъ судѣ, или на сѣздѣ, о рѣчахъ и спичахъ земскихъ ораторовъ, о сельскихъ школахъ, учителяхъ и учительницахъ.

Въ настоящее время, полного затишья, смиренія и какой-то грусти, трудно даже вообразить себѣ, что все это когда-то происходило, что это не былъ сонъ.

Единственнымъ двигателемъ и проводникомъ новыхъ стремлений въ никольской волости оказалась престарѣлая тетка и воспитательница Карцева, замѣнявшая ему мать и вмѣстѣ съ нимъ поселившаяся въ уединенномъ хуторѣ. До настоящаго времени восторженная дѣвица сосредоточивала всю свою нѣжность на племянникѣ и, дождавшись новыхъ вѣяній, положила всю свою душу на служеніе меньшей братии, темному и бѣдному люду. Само собою разумѣется, что въ стремленіяхъ восторженной тетушки было не мало простодушныхъ преувеличеній, недостаточнаго пониманія, но въ основаніи было много искренняго убѣжденія, глубокаго и беззаветнаго желанія служить народному дѣлу. Она сіяла и точно молодѣла, прочитавъ въ газетахъ какое-нибудь извѣщеніе о крупныхъ пожертвованіяхъ и подвигахъ въ пользу народа, она только что не молилась на портретъ барона А. Н. Корфа, постоянно висѣвшій надъ ея изголовьемъ, и точно на крыльяхъ переносилась изъ ссудо-сберегательнаго товарищества въ курныя избы больныхъ и нуждающихся мужиковъ, а отъ нихъ въ сельскую школу, гдѣ обучала мальчиковъ и дѣвочекъ всему, что знала сама, чему научилась въ пятьдесятъ лѣтъ: чтенію, письму, черченію, рисованію, вышиванію, исторіи, географіи и проч... При этомъ въ каждомъ крестьянскомъ мальчикѣ она видѣла будущаго Ломоносова, въ каждой дѣвочкѣ грамотную, развитую мать,—просвѣтительницу будущей крестьянской семьи, и никакія мятлы, морозы или болѣзни не могли помѣшать ей ежедневно, ежечасно, кого-нибудь утѣшать, обучать, лечить, кому-нибудь помогать, однимъ словомъ, исполнять то, что она считала своимъ долгомъ. Она давно уже потеряла всякую спо-